

Кончики его ушей снова покраснели, и он мягким, ласковым голосом произнес: Хотя зима только началась, всё равно нельзя терять бдительность. А Яо, ты сидишь у самого окна, как можно одеваться так легко.

Цзинь Яо отложил книгу, поднял глаза на Чао Цы, но на его лице не отразилось никаких эмоций.

Чао Цы не обратил внимания на холодность Цзинь Яо и снова заговорил: А Яо, не стоит тебе здесь сидеть на сквозняке. Пойдём в дальнюю комнату, я смажу тебе рану, хорошо?

Цзинь Яо запахнул на плечах тяжелую накидку и тихонько, едва заметно усмехнулся.

Наверное, он мысленно высмеивал бесстыдство этого парня, который, судя по всему, снова хотел воспользоваться случаем и облапать его под предлогом смены повязки.

Чао Цы смутился, но в то же время его сердце затрепетало от этого низкого, похожего на звон холодного родника голоса.

Преодолев неловкость, он всё же взял Цзинь Яо за руку, провел через парчовые занавеси в дальнюю комнату и усадил.

Взяв мазь и бинты, Чао Цы покраснел до корней волос и сказал Цзинь Яо: А Яо, садись скорее, лекарь говорил, что с этой мазью нельзя тянуть.

Этот сопляк то и дело краснел — должно быть, всё-таки был совестливым, хотя за ним ни разу не замечали, чтобы его руки дрожали, когда он пытался распустить лапы.

Цзинь Яо нашел это забавным, но особого значения не придал.

Перед ним был всего лишь простой смертный. Плохой он или хороший — Цзинь Яо вряд ли смог бы разглядеть в нем что-то по-настоящему стоящее. О симпатии не было и речи, но и отвращения он не испытывал.

Без лишнего жеманства Цзинь Яо опустился на кровать и приспустил одежду, обнажая плечи и спину.

По его спине перекатывались упругие, сильные мышцы, белые, как нефрит, и слегка прохладные на ощупь.

Левое плечо было туго обмотано плотными слоями марли. Тяжелый травяной запах отнюдь не казался неприятным — напротив, смешавшись с его собственным холодным ароматом, он создавал ощущение прохлады с легкой горчинкой, от которой кружилась голова.

Чао Цы осторожно развязал бинты, и когда его пальцы случайно коснулись кожи мужчины, его снова охватило знакомое щекочущее чувство.

Стоило убрать повязку, как перед глазами Чао Цы вновь предстал устрашающий шрам. Он почти пересекал всю спину, выглядя до ужаса жутко. И хотя за несколько дней покоя рана уже затянулась корочкой, зрелище всё еще оставалось пугающим и зловещим: в памяти Чао Цы вновь всплыл тот самый момент, когда мясо было содрано до самых костей.

Ума не приложу, какому мерзавцу пришло в голову так обойтись с А Яо! Если бы только А Яо не потерял память, я бы непременно... непременно задал этому негодяю хорошую взбучку! — Чао Цы долго сдерживался, но в конце концов не выдержал и выпалил с надутым от гнева видом.

Говорил он гневно, но рану обрабатывал с бесконечной нежностью. Цзинь Яо чувствовал, как в месте повреждения разливается приятная прохлада, и боль заметно утихла.

Цзинь Яо приподнял бровь.

Каких еще негодяев? Этот шрам от клинка он нанес себе сам.

Этот парень и впрямь полностью оправдывал звание изнеженного юного господина из Мира Смертных: даже говоря о мести, он мог предложить лишь хорошую взбучку. Похоже, дожив до стольких лет, он даже курицу в своей жизни не зарезал.

Хотя на первый взгляд Цзинь Яо казался безупречным Верховным богом, возвышающимся над землей, мог ли тот, кто единолично подавил демонов Шести миров и положил конец древней великой смуте, быть добрым созданием? Во всем Шестимирье вряд ли нашлось бы живое существо, чьи руки были бы обагрены бóльшей кровью.

При этой мысли он вспомнил о печати Границы Демонов, которая уже около сотни лет подавала признаки ослабления, и внезапно почувствовало раздражение.

Он бросил косой взгляд на Чао Цы, который бережно смазывал его рану.

Чао Цы поднял голову, широко распахнув блестящие глаза с персиковым отливом, и спросил: Что такое? Я сделал А Яо больно?

Его голос звучал робко, наполненный нежностью, которой он сам в себе не замечал.

Вовсе нет. — Цзинь Яо опустил взгляд и отвернулся.

Нужно поскорее покончить с этим бессмысленным Испытанием чувств и вернуться в Мир

Богов.

.....

Свадьбу назначили на самые ближние дни. Мастер, которого нанял клан Чао, высчитал, что ближайший благоприятный день выпадет лишь через два месяца, однако Чао Цы заявил, что середина следующего месяца — тоже прекрасная дата. До нее оставалось меньше месяца.

Разве это выбор хорошего дня? Было очевидно, что он просто не может дождаться свадьбы.

Окружающие лишь разводили руками от смеха. Видя его непреклонность, а также слова мастера о том, что этот день хоть и не относится к разряду высших благоприятных дат, но не сулит никаких бед, они махнули рукой и позволили ему поступать по-своему.

В конце концов, это же женитьба на мужчине, так что пускай тешится своей дурью.

По мере приближения свадьбы Чао Цы закрутился в хлопотах. Его отец, наблюдая за этим, не знал, испытывать ли ему умиление или досаду — ведь сын впервые в жизни помогал дому с подобными делами.

Хотя, по правде говоря, эта свадьба касалась его напрямую.

Как бы ни был занят Чао Цы, он неизменно находил время навещать Цзинь Яо: целыми днями пропадавая в хлопотах, по вечерам он со всех ног мчался во двор к Цзинь Яо.

Правда, задерживался ненадолго — ровно на час, чтобы сменить повязку, поболтать с ним, а ровно в девять вечера уже уходил.

Поначалу Цзинь Яо даже удивлялся: неужели этот маленький развратник умеет вести себя так благопристойно? Он-то думал, что этот парень всеми правдами и неправдами попытается остаться ночевать в его дворе.

Улучив момент, он прямо спросил об этом, на что услышал смущенный ответ покрасневшего юноши: Мы еще не женаты, не стоит спешить.

Кто бы мог подумать, что этот сластолюбивый и дерзкий с виду парень в душе окажется таким консервативным.

Цзинь Яо окинул Чао Цы взглядом: тот был облачен в ярко-красные парчовые одежды, на фоне которых его кожа казалась белее снега, а губы — алыми. Персиковые глаза при первом взгляде казались соблазнительными, но на деле он вечно таращил их во всю мочь, а карие зрачки придавали ему сходство с котенком. На щеках еще заметно держался младенческий пух.

Со всех сторон он выглядел сущим ребенком, у которого еще молоко на губах не обсохло, но при этом нахватался замашек заправского повесы.

Цзинь Яо невольно усмехнулся.

У брака с мужчиной были свои обычаи: хоть Цзинь Яо и входил в семью Чао в качестве зятя, никто вовсе не собирался ущемлять его достоинство.

В день свадьбы оба жениха облачились в красные свадебные халаты. Поскольку Цзинь Яо потерял память и не имел родственников в Цзиньчжоу, клан Чао приобрел для него особняк в южном районе главного города, откуда Цзинь Яо и отправился на свадьбу.

Когда Чао Цы увидел его, уголки его рта изогнулись в улыбке, глаза-персики задорно изогнулись, и даже каждый волосок на его голове излучал чистейшую радость.

Цзинь Яо даже недоумевал: они же раньше совершенно не были знакомы, так неужели достаточно было всего одной встречи, чтобы вспылать к нему столь глубокой страстью?

В конце концов, всё сводилось лишь к его привлекательной внешности.

После того как они совершили положенные поклоны, Чао Цы разогнал гостей, норовивших устроить шумный переполох в брачном покое. Закрыв за ними дверь и обернувшись к Цзинь Яо, сидевшему за чайным столом, он почувствовал, как вся прежняя радость и эйфория от женитьбы на любимом человеке мгновенно улетучились, сметенные мощной волной подступившего смущения.

Неуклюже переставляя ноги, он дошел до столика, опустился на стул, а затем наугад сгреб со стола несколько сладостей и протянул их Цзинь Яо со словами: А Яо, наверное, сильно проголодался? Съешь что-нибудь, замори червячка.

Свадебные обряды знатных семей всегда отличались утомительностью, и с самого раннего утра обоим супругам практически ничего не довелось поесть.

Цзинь Яо машинально взял одно пирожное, надкусил его, а затем поинтересовался: А ты разве не голоден?

Я... я не голоден, — запинаясь, ответил Чао Цы. Сейчас в его голове крутились лишь самые фривольные мысли, какая уж тут еда.

Но Цзинь Яо протянул ему сладость: Ты ведь тоже сегодня ничего не ел, поешь.

Чао Цы в каком-то тумане принял угощение, растянув губы в глупой улыбке.

А Яо впервые проявил о нем заботу.

Он вовсе не держал на него зла — в конце концов, и раньше А Яо не морил его ни холодом, ни голодом, никто и не думал относиться к нему плохо, просто у А Яо никогда не было повода о нем заботиться.

Получив неожиданный знак внимания, Чао Цы почувствовал себя так, будто пьянел, ступая по мягким облакам.

Глядя на пирожное, которое только что держал А Яо, Чао Цы откусил кусочек и подумал, что оно в тысячу раз слаще любой другой выдоечной сладости. Чао Цы съел всего один кусочек пирожного, но в голове уже царил такой хаос из переполнявших его эмоций, что о желудке он больше думать не мог. Он просто во все глаза смотрел на Цзинь Яо, то приоткрывая, то закрывая рот, но так ничего и не произнося.

— Спать захотел? — Цзинь Яо поднял взгляд и с легкой усмешкой спросил его.

Впрочем, он и не собирался по-настоящему заниматься чем-то подобным с этим мальчишкой. Хотя драконы обычно славились своей распушенностью, Цзинь Яо не любил, когда им руководят инстинкты и плотские желания, а потому всегда соблюдал воздержание. Нарунь он сейчас обет — и этот хрупкий мальчишка, боюсь, просто не выдержит.

Он лишь хотел отделаться от него, тем более что этого паренька всегда было легко провести.

— Уже поздно, т-так давай ложиться спать... — заикаясь, произнес Чао Цы.

Цзинь Яо поднялся, подошел к кровати и небрежно сбросил с себя праздничный наряд, отложив его в сторону.

Нижняя одежда из белоснежного шелка идеально облегла его высокое подтянутое тело, позволяя разглядеть каждую линию. Чао Цы бросил один взгляд — и у него снова запылали кончики ушей.

Он тоже подошел к постели, забрался под одеяло и опустил полог.

Служанки, дежурившие за дверью, увидев, что они улеглись, вошли в комнату и задули огни, оставив лишь одну красную свечу.

В комнате разом потемнело, и лишь едва заметный тепло-красный свет свечи мягко колыхался в полумраке.

Чао Цы повернулся к Цзинь Яо, чувствуя, как воздух вокруг наполняется сгущающейся истомой.

Чао Цы немного подвинулся ближе к Цзинь Яо.

На лице Цзинь Яо невозможно было прочитать никаких эмоций, но в мягком свете они все же казались на редкость нежными. Уголки его губ тронула легкая улыбка, он повернулся и взял в пальцы прядь черных волос Чао Цы, рассыпавшихся по постели.

Атмосфера вокруг вмиг стала томной и соблазнительной.

Однако Чао Цы, сгорая от стыда, оттолкнул его. Заикаясь, он пробормотал:

— П-подожди.

Цзинь Яо слегка приподнял бровь, искренне удивившись.

Разве этот маленький сладострастник не ждал-не дождался именно этого? Почему же в самый ответственный момент он вдруг отступил?

Он уже собирался заговорить, как этот растерянный ребенок снова зашептал:

— А-Яо, твоя рана еще не зажила. С этим... не стоит спешить.

Цзинь Яо опустил взгляд на рану у себя на плече.

Прошел уже целый месяц с тех пор, как Чао Цы привел его в клан Чао. Рана была немаленькой, но сейчас от нее уже не осталось и следа — почему же этот мальчишка до сих пор так переживает?

— Я боюсь, что буду слишком груб и наврежу А-Яо, — пояснил Чао Цы. — Лекарь сказал, что, хотя А-Яо сейчас вроде бы полностью поправился, после близости очень легко подхватить простуду или слечь с сильным жаром...

Выражение лица Цзинь Яо мгновенно стало странным.

Судя по тону этого малого, он что, все еще считает себя здесь главным?

Цзинь Яо еще раз внимательно оглядел паренька.

Ростом едва достает ему до подбородка — откуда у него вообще столько уверенности?

Впрочем, злиться из-за такой мелочи он не собирался и лишь подыграл ему:

— Тогда ты...

— Т-тогда А-Яо может... может позволить мне потрогать... потрогать тебя? — с надеждой и страхом перебить спросил Чао Цы, словно боясь отказа. Но едва начав фразу, тут же густо покраснел от собственного смущения.

Потрогать?

Цзинь Яо долго молчал.

Хотя он миллионы лет не предавался плотским утехам, как дракон, обладающий бесконечно долгой жизнью, Цзинь Яо знал о подобном отнюдь не меньше смертных. Драконы славились своей страстью: в пещерах его сородичей распутство было обычным делом, и сами драконы вовсе не считали это чем-то постыдным.

Да и сам Цзинь Яо немало воевал на Границе Демонов, где кровь и страсть сплетались самым бесстыдным образом — стоило лишь великим демонам устроить пир на весь мир, как взору открывались реки вина и толпы красавиц, дикость и плотские утехы повсюду.

Поэтому, услышав сейчас эти слова Чао Цы, Цзинь Яо нашел их весьма занятными.

— То есть... можно мне потрогать А-Яо?

Цзинь Яо опустил глаза и тихо усмехнулся:

— И как же ты собираешься трогать?

Чао Цы не удержался и судорожно потер зудящие кончики ушей — голос А-Яо казался готов пробраться прямо сквозь уши и вытянуть из него душу!

Лишь спустя долгое время до него дошло: А-Яо не отказал!

Его кошачьи глаза мгновенно засияли, и он робко, с замиранием сердца протянул руку, подцепляя пальцами ворот одежды Цзинь Яо.

Движение, которым он раздвинул воротник, вызвало едва ощутимый зуд — совсем легкий, но от него у Цзинь Яо не только зачесалась кожа, но и неприятно сжалось в горле.

Эта рука была ослепительно белой, с чистым, нефритовым отливом, с тонкими пальцами и аккуратно подстриженными округлыми ногтями. Очень красивая, но все еще хранящая отпечаток юношеской незрелости — легко было представить, что если взять ее в ладонь, можно целиком и надежно укрыть в своей руке.

Наконец, рука юношеского силуэта скользнула внутрь, но, едва коснувшись прохладной, гладкой, как нефрит, кожи мужчины, тут же испуганно отдернулась назад, словно от удара током.

Цзинь Яо приподнял бровь и посмотрел на него с легким недовольством.

Юноша нервно сглотнул слюну и снова протянул руку, пока ладонь полностью не легла на грудь Цзинь Яо.

Это было похоже на мягкую кошачью лапку, прижатую к груди, но в то же время ощущалось совсем иначе.

Словно в этом касании появилось чуть больше тепла и нежности, а на кончиках пальцев отчетливо улавливался стук крови, выдававший всю степень охватившего юношу напряжения. А то, что чувствовал Чао Цы — это размеренное сердцебиение человека перед ним и холодноватое прикосновение.

Цзинь Яо не двигался, позволяя его мягким рукам шарить ниже.

Затем рука Чао Цы замерла где-то в районе живота Цзинь Яо, отчетливо ощущая упругие и ровные мышцы мужского пресса.

Он бессистемно поглаживал это место, и его щеки становились все краснее. Наконец, коснувшись Адонисовых дорожек мужчины, он почувствовал, что лицо его словно горит, и резко отдернул руку, натянув лежавшее рядом одеяло и целиком спрятавшись под ним.

Цзинь Яо был несколько удивлен и испытывал какое-то невыразимое чувство.

Этот соплик говорил о том, чтобы потрогать... и имел в виду просто потрогать его пресс?

И впрямь ребенок.

Ощущение мягких рук ребенка, блуждавших по животу, все еще задерживалось в памяти, и Цзинь Яо прищурил глаза.

Воздержание для большинства драконов — вещь практически невозможная, но для Цзинь Яо оно не представляло особого труда. Ведь среди Шести миров, будь то боги, смертные, ёвы или демоны, не было никого, кто мог бы прийти к нему по душе.

И вот уже на протяжении миллионов лет... его желания пробудились впервые.

Похоже, это Испытание чувств, устроенное ему Небесным Путем, лишено смысла не полностью.

Цзинь Яо оперся правой рукой, приподнимая свое тело наполовину, и смотрел на этот комок одеяла, глядя на него почти свысока, после чего хриплым голосом спросил:

— Все еще хочешь потрогать?

Комок одеяла завертелся на месте, словно сгорая от стыда:

— Завтра... давай завтра!

Цзинь Яо вытащил человека из-под одеяла и, глядя на его покрасневшие щеки и бегающий взгляд, с усмешкой произнес:

— И чего ты так смущаешься?

Это еще цветочки.

Чао Цы уткнулся лицом в грудь Цзинь Яо:

— Время уже поздно, А-Яо, давай сначала спать...

Голос звучал приглушенно и мягко, словно он ластился к кому-то.

Ничего не понимает, а смелости едва хватает, и при этом еще учится у людей вести себя как развратник.

Взгляд Цзинь Яо слегка дрогнул, и он обнял мальчика за талию.

— Спи, — произнес он.

.....

После свадьбы Цзинь Яо и Чао Цы перебрались из прежнего жилого двора в главные покои, отведенные кланом Чао для законной жены, и наложницы, которых Чао Цы набрал ранее, теперь должны были каждое утро приходить с приветствием к Цзинь Яо.

Когда эти несколько десятков наложниц впервые пришли засвидетельствовать почтение, Чао Цы сидел рядом с Цзинь Яо. Взглянув на Цзинь Яо, он заметил, что выражение лица мужчины было несколько мрачным.

— А-Яо... что случилось? — Чао Цы подергал Цзинь Яо за рукав и осторожно спросил: — Разве они в чем-то нарушили правила приличия?

Цзинь Яо бросил взгляд на сидевшего рядом человека и с полуулыбкой произнес:

— Почему раньше ты не говорил, что в твоём дворе столько народу?

— ...Разве об этом нужно было говорить? — заметив, что выражение лица мужчины становится все более странным, Чао Цы заговорил еще тише, и последние слова прозвучали почти неслышно.

— Ступайте пока, — обратился Цзинь Яо к толпе внизу.

— Тогда мы, младшие сестры, посмеём откланяться, — одна за другой произнесли наложницы, с поклоном отступая назад.

Идя сюда, они были полны решимости устроить новому человеку проверку на прочность, но стоило им прийти и увидеть его, как у них затряслись колени.

Оставим в стороне то, насколько ошеломляюще прекрасна его внешность — пусть он и был бледен, но аура его мощи напоминала горы, океаны, богов и демонов. Стоило лишь взглянуть на него, как в сердце рождались страх и трепетное желание подчиниться.

Какая тут к черту борьба, оставалось только признать поражение!

Но все же... не возникнет ли проблем у их господина с такой законной женой?

Как ни посмотри, он совсем не производит впечатление того, кого можно подчинить.

Чао Цы не ведал о мыслях наложниц, да и не горел желанием их знать. Сейчас его волновало лишь то, что его собственный А-Яо, похоже, рассердился.

— А-Яо, ты сердишься? — распахнув пару черных блестящих глаз, он с некоторым недоумением спросил.

— Ничуть, — Цзинь Яо опустил взгляд, и его тон вернулся к обычному.

Называть это гневом было нельзя.

— Ты собираешься и дальше держать их при себе? — внезапно заговорил Цзинь Яо.

— ...? — Чао Цы показалось, что он запутался еще больше. — Разве они чем-то вызвали недовольство А-Яо?

— Нет, — ответил Цзинь Яо.

— Раз в них нет никакой вины, то незачем их прогонять... — заметив, что в глазах Цзинь Яо сгущается мрак, Чао Цы втянул голову в плечи и добавил: — Все они — несчастные люди...

— А ты у нас и впрямь любитель пожалеть хрупкие цветы, — ответив с неопределенной интонацией, Цзинь Яо отвел взгляд.

Он чувствовал, что его настроение в этот момент и вправду было далеко от безмятежного.

Этот парень и впрямь ничегошеньки не смыслит.

Даже не может сообразить, с какой стати законная жена будет злиться, увидев толпу

наложниц.

Когда этот мальчишка увидел его в первый же раз, он заладил что-то о любви с первого взгляда и о том, что возьмет в жены только его. Мужчина поначалу думал, что этот парень просто дурачок, но кто же знал, что он всего лишь любитель крутить романы на стороне.

Цзинь Яо взял чашку чая, поглаживая указательным и большим пальцами ее край, и его выражение лица стало трудночитаемым.

Окружавшая его аура казалась всё более отстраненной.

.....

Чао Цы так и не смог понять, из-за чего именно внезапно разозлился Цзинь Яо, он знал лишь одно: А-Яо, кажется, не любит тех его наложниц.

<http://bllate.org/book/22189/2312421>